

Кант против конструктивистов

Zhilin, V.I.; Efimova, S.V.

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Zhilin, V., & Efimova, S. (2014). Кант против конструктивистов. *The Science of person: humanitarian researches*, 18(4), 10-18. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-418355>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Deposit-Lizenz (Keine Weiterverbreitung - keine Bearbeitung) zur Verfügung gestellt. Gewährt wird ein nicht exklusives, nicht übertragbares, persönliches und beschränktes Recht auf Nutzung dieses Dokuments. Dieses Dokument ist ausschließlich für den persönlichen, nicht-kommerziellen Gebrauch bestimmt. Auf sämtlichen Kopien dieses Dokuments müssen alle Urheberrechtshinweise und sonstigen Hinweise auf gesetzlichen Schutz beibehalten werden. Sie dürfen dieses Dokument nicht in irgendeiner Weise abändern, noch dürfen Sie dieses Dokument für öffentliche oder kommerzielle Zwecke vervielfältigen, öffentlich ausstellen, aufführen, vertreiben oder anderweitig nutzen.

Mit der Verwendung dieses Dokuments erkennen Sie die Nutzungsbedingungen an.

Terms of use:

This document is made available under Deposit Licence (No Redistribution - no modifications). We grant a non-exclusive, non-transferable, individual and limited right to using this document. This document is solely intended for your personal, non-commercial use. All of the copies of this documents must retain all copyright information and other information regarding legal protection. You are not allowed to alter this document in any way, to copy it for public or commercial purposes, to exhibit the document in public, to perform, distribute or otherwise use the document in public.

By using this particular document, you accept the above-stated conditions of use.

РАЗДЕЛ 1 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PART 1 PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 1 (043)

В.И. Жилин, С.В. Ефимова
Омский институт (филиал)

Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

И. КАНТ ПРОТИВ КОНСТРУКТИВИСТОВ

Современные адепты эпистемологического конструктивизма, опираясь на онтологические идеи Дж. Беркли и используя методологию софистики и диалектики, утверждают, что именно И. Кант является основоположником этого философского направления. В статье сравниваются идеи активности субъекта, высказанные И. Кантом, с субъективистскими воззрениями современных конструктивистов. Авторы приходят к заключению, что активность познающего субъекта, его познавательная деятельность в гносеологии И. Канта не имеет ничего общего с исходными (субъективистскими) установками конструктивистов. Современная философия конструктивизма, воплощенная в психологизме и телесном подходе, не имеет ничего существенно общего с гносеологическими идеями И. Канта. Ведь именно И. Кант вывел философию из того гносеологического тупика, в который она зашла в работах эмпириков-сенсуалистов, субъективных идеалистов и рационалистов – настоящих предшественников современного (постмодернового) конструктивизма.

Ключевые слова: конструктивизм в эпистемологии, Кант, Беркли, истина.

Желание победы, победы любой ценой, если нет возможности применить армию, жандармерию, или просто кулак, толкает тщеславных и слабых духом на различные хитрости, в том числе и интеллектуальное плутовство. Это желание, став преобладающим в мотивах поведения, заставляет отказаться от поиска и утверждения истины, что в результате ведет к разрушению нравственности и общества.

Методология бескровной борьбы с истиной уже довольно хорошо разработана софистикой и диалектикой и взята на вооружение политиками различного уровня и партийной принадлежности. Но мысль не стоит на месте, и гонка «мирных» вооружений в борьбе за власть требует создания все новых и новых интеллектуальных технологий подчинения, основанных на лжи. В связи с этим арсенал средств обмана, некогда произведенный софисти-

кой и диалектикой, вполне успешно дополняется и идеями под «вывеской» конструктивизма, которые, как следует из публикаций современных сторонников этого философского течения, якобы сформулированы в XVIII в. И. Кантом. Но имеет ли отношение к такому пополнению средств обмана непосредственно И. Кант? В этом есть смысл разобраться, дабы преодолеть заблуждения.

Так, Р. Харре, вскрывая связь между идеями активности познающего субъекта, идущими от Канта, и идеями конструктивистов, отмечает: «Современные взгляды на социальное конструирование знания заимствовали у Канта его основную идею знания и отражаемого им мира как взаимодействующих конструкций, отвергнув в то же время кажущуюся необходимость базовых форм» [1, с. 96]. Однако Р. Харре существенно сглаживает излом конструктивизма, произошедший в ходе «эволюции» кантовской идеи. На поверку, взятые на вооружение «конструктивистами» (радикальными конструктивистами) гносеологические идеи И. Канта, будучи деформированными и произвольно истолкованными, уже не имеют отношения к идеям познавательной активности субъекта. На это, в частности, обращает внимание и В.А. Лекторский, который полагает, что эпистемологические установки конструктивистов существенно отличаются от исходных познавательных идей И. Канта. Характеризуя современный конструктивизм, он утверждает: «Речь идет не просто о том, что мышление – это некая деятельность по производству знания, или же о том, что понятия можно представить как логические конструкции из чувственных данных (любимая тема Б. Рассела и ранних логических эмпиристов). Главная мысль подхода, который сегодня именуется эпистемологическим конструктивизмом – тезис о том, что реальность, с которой имеет дело познание (как научное, так и обыденное) и в которой мы живем, – это не что иное как конструкция самого субъекта – иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая. Никакой другой реальности, действительности, помимо конструируемой субъектом (включая даже то, что мы считаем чувственными данными), нет и быть не может» [2, с. 11]. Добавим – действительности, произвольно (без «привязки» к реальности) конструируемой субъектом. И это не гиперболизация точки зрения современных конструктивистов.

Так, Е.Н. Князева [3], соединяя в один субъективистский узел телесный подход, синергетику и конструктивизм, с воодушевлением приводит плюсы философского конструктивизма, среди которых «расширение пространства возможного», «свобода играть с реальностью и со своим опытом», «возможность постоянного и активного создания реальности и самого себя, индивидуальной эмерджентности». Минус конструктивизма, его главный недостаток, с точки зрения Е.Н. Князевой, «заключается в том, что субъект деятельности, активно создавая реальность и строя самого себя во взаимодействии с ней, не встречает никакого сопротивления от реальности, он буквально залипает в реальности, не чувствует границ между собственным опытом и реальностью как таковой» [3, с. 135]. В результате, согласно Е.Н. Князевой, «всё есть продукт моего творчества и воображения» [3, с. 135]. Дж. Беркли не возражал бы по поводу такой «реанимации» своих идей.

Идея «конструирования» мира по своему усмотрению, к своей выгоде и без привязки к какой бы то ни было внешней реальности известна давно. Изначально методология такого конструирования именовалась ложью или обманом, иногда, соблюдая «политкорректность», заблуждением. «Хорошую ложь» и «добродетельный обман» предлагал использовать правителям еще Платон [4]. Мысленное конструирование детьми и некоторыми взрослыми, для которых ложь не служит средством к выгоде, принято называть малообидными словами «вымысел», «мечта», «фантазия». Позже, прикрывая «одеялом» морали наготу откровенного обмана, (полит)технологи стали использовать иную терминологию – «манипулирование сознанием», «промывание мозгов», «искажение», «пропаганда», которые менее чем за полстолетия окончательно скомпрометировали себя и перестали приносить желаемые дивиденды. На авансцене борьбы за силу масс появилось многозначное слово «конструктивизм».

Сегодня эпистемологию конструктивизма (радикального конструктивизма), как правило, связывают (см., например, публикации В.А. Лекторского [2], И.А. Бесковой и др. [5], И.Т. Касавина [6] и др.) с работами Э. фон Глазарсфельда, Х. фон Фёрстера, У. Матураны, Ф. Варелы, Г. Рота и др. Думается, что эти популярные сегодня авторы не оригинальны. Они в своих работах всего лишь показали, как данные современной науки могут при определенном ракурсе мысли соответствовать воззрениям представителей субъективной философии. И в частности, для постсоветских философов работы этих специалистов в области нейрокибернетики и нейробиологии по большому счету представляют лишь философскую реминисценцию n-го порядка и предоставляют сомнительный своей доказательной силой эмпирический материал. Корни конструктивизма постсоветской философии (как и любой иной) лежат глубже новомодных западных течений и имеют иное, более фундаментальное, начало.

Изначально в России течение конструктивизма возникло на эмоциональной волне революции и воплощало в искусстве идеологию утилитаризма, в рамках которой художников призывали отказаться от «искусства ради искусства», забыть все старое и «сознательно творить полезные вещи». Идея была подмечена (утилитаризм в сочетании с примитивизмом выдавать за ультрасовременное и даже будущее), слово понравилось и прижилось. Но за этим словом уже маскировалось иное содержание. В результате на смену, по сути, безобидному конструктивизму в искусстве раннего социализма, быстро пришел более влиятельный на судьбы миллионов людей конструктивизм в облици соцреализма, конструктивизм, руководимый и руководствующийся по-большевистски своеобразно истолкованным принципом партийности философии. И в этом маскирующем облици конструктивизм стал уже воплощаться не только в произведениях искусства, но и в политике, истории, экономике, инженерии. В революционном азарте многие носители гуманитарного образования (и особенно недообразования) стали думать, что победители не только по своему усмотрению пишут историю (уже свершившиеся события прошлого), но равно пишут и будущее. На публикации Э. фон Глазарсфельда, Х. фон Фёрстера, У. Матураны, Ф. Варелы, Г. Рота и прочих представителей эпистемологического конструктивизма еще никто не ссылается. У советских конструктивистов свои, разработанные еще Г.В.Ф. Гегелем основания для методологической позиции. Ведь именно из гегелевской философии тождества действительного и разумного следует и удобная теория истины. Если все разумное действительно, тогда разумное и соответствует реальности, а значит, и является истинным. К.Р. Поппер с глубоким сарказмом вскрывает абсурдность этой гегелевской доктрины истины: «Развитие истины совпадает с ходом развития разума, и поэтому все, что соответствует разуму на его последней стадии развития, должно быть истинным для этой стадии. Другими словами, все, что кажется достоверным тем, чей разум держится в русле современности, должно быть истинно. Если вы идете в ногу со временем, то все, что вам требуется делать, – это верить в некоторую доктрину, а это, по определению, делает ее истинной. В результате противоположность между тем, что Гегель называет «субъективным», т.е. мнением, и «объективным», т.е. истиной, обращается в тождество» [7, с. 52]. Вот оно, одно из оснований конструктивизма, однако Кант имеет к этому лишь косвенное, да и то искаженное самим Гегелем (подробнее см. К.Р. Поппер [7]) отношение. И мало кто из советских философов-марксистов мог противостоять такой гносеологической установке, согласно которой все, что кажется достоверным, является истинным, если, конечно, вы идете в ногу с современностью, т.е. при власти (обладаете ли ею сами или служите ей). Большинство хотело все-таки быть современными и, в качестве побочного результата, «обладать» истиной. И это было вполне им по силам.

Но имеет ли отношение к такому конструктивизму И. Кант? Можно ли активность познающего субъекта, о которой говорил философ, признать исходным пунктом позиции современного конструктивизма?

Отстаивая непричастность И. Канта к современным конструктивистам, В.А. Лекторский отмечает: «На самом деле, кантовское понимание познаваемой реальности как кон-

струкции не столь просто. Я думаю, что вряд ли можно безоговорочно отнести Канта к течению эпистемологического конструктивизма, хотя точек соприкосновения между теорией познания Канта и эпистемологическим конструктивизмом много» [2, с. 11]. Это утверждение В.А. Лекторского должно быть дополнено и усилено, так как гносеология И. Канта не только с оговорками или «безоговорочно» не может быть отнесена к эпистемологическому конструктивизму (в его современном исполнении), но и более того, она в своих исходных идеях противостоит и преодолевает эпистемологические установки предшествующих философских систем, заведших познание в конструктивистские тупики. В связи с этим и гносеологию Г.В.Ф. Гегеля следует рассматривать лишь как «мостик» между предшественниками И. Канта и современными конструктивистами.

Одним из философских течений, давших в Новое время истинные начала конструктивизму, следует считать субъективизм – и в своем идеалистическом выражении, и в материалистическом. Именно Дж. Беркли в философии Нового времени заложил фундаментальные основы конструктивизма. Ведь его современные последователи, назвавшись конструктивистами, целиком исходят из субъективизма Берклиевой эпистемологии, почти дословно повторяя сказанное своим великим предшественником более трехсот лет назад: «Непосредственно ничего не существует, кроме личностей, т.е. разумных вещей, все же другие вещи являются не столько самостоятельно существующими, сколько способами существования личностей» [8, с. 41]. И все. Ничего не существует, кроме личностей. Все другие вещи являются способами существования личностей. Е.Н. Князева, отстаивая в философии современной России телесный подход, конструктивизм и синергетику, словно простым перифразом, продолжает мысль Дж. Беркли: «Человек не может снять шубу, в которую он укутан, даже летом. Он не может вырваться из самого себя, выйти за границы своего опыта, своих восприятий и мыслей. Он смотрит в мир, а видит в нем, как в зеркале, самого себя» [3, с. 135].

Закладывая основы всеилия субъективизма, взятого в последующем на вооружение конструктивистами, Дж. Беркли замечает: «Все познаваемые нами вещи есть, во-первых, мысли, во-вторых, способности воспринимать мысли, в-третьих, способности вызывать мысли, причем ничто из перечисленного в любом случае не может существовать в инертной, лишенной чувств вещи» [8, с. 42]. Вот они настоящие истоки конструктивизма. Материи нет. Нет и вещей материальных. Все есть мысль. Весь окружающий мир есть лишь наша мысль о нем. И мы вольны с помощью нашей мысли о мыслимом изменять мысленный мир, т.к. другого мира и не существует.

Субъективизм, который отстаивает и проповедует Беркли, не предполагает выхода за пределы Я. Ведь даже великие умы выдвигают об одном и том же не только различные мнения, но даже противоречащие друг другу. И вся физика И. Ньютона не более чем математическая гипотеза. Причем, одна из многочисленных. Соответственно у каждой личности свое видение, свой мир. Мир, доступный изменению по желанию и усмотрению самой личности. Удобно. Очень удобно. Но насколько такой, оторванный от объективной реальности, мир прочен, долговечен? Будет ли гореть спичка на Луне по желанию эпистемологического конструктивиста? Остановится ли Солнце по желанию президента над территорией России, чтобы свести количество часовых поясов до минимума? Утвердительные ответы на эти вопросы будут выглядеть абсурдно даже с точки зрения здравого смысла. И уж тем более, не согласился бы поддержать такую позицию И. Кант. Ведь именно преодолевая эпистемологические «тупики», в которые завел философию Дж. Беркли, И. Кант утверждает: «Наш же трансцендентальный идеализм считает, что предметы внешнего созерцания действительны, так как они созерцаются в пространстве, и что все изменения во времени действительны, так как представляют внутреннее чувство. В самом деле, так как пространство есть уже форма того созерцания, которое мы называем внешним, а без предметов в пространстве не было бы никаких эмпирических представлений, то мы можем и должны считать протяженные в нем сущности действительными; то же самое следует сказать и о времени» [10, с. 384].

Но «всех собак свесили» именно на Канта. И немало в этом преуспели, помимо современных конструктивистов, еще и марксисты. Так, В.В. Чешев, продолжая традицию, идущую в характеристике Канта от Гегеля и Ленина, предлагает свою интерпретацию гносеологии И. Канта, отмечая, в частности: «Априорные формы мышления обеспечивают привнесение связей в действительность чувственного восприятия, более того, априорные формы сознания являются условием всякого возможного опыта. Проще сказать, вне мышления никакой опыт невозможен. Этот тезис изначально присутствовал в эмпиризме, но оставался как бы на периферии гносеологических представлений, поскольку все внимание эмпиризма сосредоточивалось на происхождении и сочетании идей. Кантовская позиция по необходимости выдвигает его на первый план, в его представлении априорные формы сознания обеспечивают мысленное конструирование действительности, которое и является собственно знанием» [9, с. 150]. Почему В.В. Чешев решил, что с точки зрения И. Канта действительность конструируется априорными формами сознания?

Но И. Кант не укладывается в схемы марксизма и, в отличие от Дж. Беркли, признает существование предметного мира, мира, который пробуждает к деятельности нашу познавательную способность. По утверждению Канта, «никакое познание не предшествует во времени опыту, оно всегда начинается с опыта» [10, с. 41]. Да, Кант поясняет, что из этого совсем не следует, что наше познание целиком происходит из опыта, ведь кроме апостериорного знания, полученного из опыта, есть еще и знание априорное, независимое не только от опыта, но даже и от всех чувственных впечатлений. При этом, однако, познающий субъект не волен «рисовать» предметный мир, исходя сугубо из своей безудержной фантазии. Более того, согласно Канту, предметный мир упорно противостоит познающему субъекту, сохраняя себя как «вещь в себе». Кантовская «вещь сама по себе» существует независимо от субъекта, от его желаний и познавательных способностей. Внешние объекты не есть лишь видимость. Отдавая должное аргументам скептиков, И. Кант, вместе с тем, явно обозначает свою позицию: «В явлении объекты и даже свойства, которые мы им приписываем, всегда рассматриваются как нечто действительно данное, но поскольку эти свойства зависят только от способа созерцания субъекта в отношении к нему данного предмета, то мы отличаем предмет как *явление* от того же предмета как объекта *самого по себе*» [10, с. 87]. Объекты мира существуют «сами по себе», вне нашей мысли о них, и мы не в силах, размышляя о них в понятиях, изменять их состав и структуру. Мир нам дан в ощущениях. Вещь в себе «аффицирует», возбуждает ощущения. При этом И. Кант хорошо усвоил уроки последовательного эмпиризма. И уже далее, выстраивая гносеологическую линию в обход сенсуализма, предложил идею активности субъекта.

Поняв, что эмпиризм зашел в гносеологический тупик и не в силах открывать законы, И. Кант осознает и фиксирует: «Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди, согласно постоянным законам, и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем» [10, с. 21]. Думается, что редкое открытие в естествознании, особенно претендующее на статус закона, было сделано иначе. Простая фиксация без гипотезы и составленного на ее основе плана исследования, как правило, не вела к желаемому результату. Обнажил и обострил эту проблему, проблему связи между смежными в пространстве или во времени явлениями, как известно, Д. Юм [11]. Но Юм не Беркли, хотя и у него можно обнаружить высказывания, родственные субъективизму, вроде такого, как «в действительности мы ни на шаг не выходим за пределы самих себя и не можем представить себе какое-нибудь существование, помимо тех восприятий, которые появились в рамках этого узкого кругозора. Кругозор же этот – вселенная, создаваемая воображением, и у нас нет идей, помимо тех, которые здесь порождены» [11, с. 134]. И все же Д. Юм, в отли-

чие от Дж. Беркли, не сводит мир к Я. Д. Юм – последовательный эмпирист. Он допускает существование «внешнего» для субъекта мира, мира, производящего впечатление на Я, мира, о котором Я может образовывать соотносительную идею. Предваряя кантовскую «вещь в себе», Д. Юм, вместе с тем, закладывает и основы активности познающего субъекта: «Собственно говоря, мы и не предполагаем, что внешние объекты специфически отличны от восприятий, а только приписываем им иные отношения и связи и иную длительность» [11, с. 135]. Но юмовское «приписываем» не означает «изменяем внешний мир своей мыслью по своему усмотрению». Д. Юм признает реальность внешнего мира, пусть и не так, как это делают материалисты, но признает. В понимании Д. Юма объект является достаточно реальным, «когда его *бытие* непрерывно и независимо от тех непрерывных изменений, которые мы сознаем в себе» [11, с. 278]. Бытие объекта независимо от нашего о нем осознания. И Кант продолжает именно эту, начатую Юмом, гносеологическую линию.

Есть мир, есть в мире «вещи сами по себе», которые «аффицируют» наши ощущения и являются нам. Однако явление – это не вещь сама по себе, как и не просто видимость или кажимость. Явления, согласно И. Канту, «суть вещи, которые мы принимаем за *предметы наших чувств*» [10, с. 75]. И именно явление (а не вещь сама по себе) уже не объективно. В явлении вещи нам примешиваются субъектные условия ее восприятия. Комментируя свою гносеологическую позицию, И. Кант замечает, что «явление всегда имеет две стороны – одну, когда объект рассматривается сам по себе (независимо от способа, каким он созерцается, и именно потому свойства его всегда остаются проблематичными), и другую, когда принимается во внимание форма созерцания предмета, которую, хотя она действительно и необходимо присуща явлению предмета, следует искать не в предмете самом по себе, а в субъекте, которому предмет является» [10, с. 77]. Форма созерцания, хотя и «вшита» в явление предмета, вместе с тем, находится не в предмете самом по себе, а в субъекте, которому предмет является. И здесь, казалось бы, начинаются произвол, волюнтаризм, субъективность (в чем Канта обвиняли Гегель и Ленин) и соответственно простор для конструирования и конструктивизма (о чем говорят современные последователи Беркли). Но именно «казалось бы», и не более. И. Кант – аккуратный до педантичности писатель и глубочайший философ, усвоивший уроки истории мысли. Он упреждает, «чтобы избежать недоразумений», и Гегеля, и его «материалистических» последователей, снимая с себя обвинения в психологизме, субъективизме и сенсуализме. Так, описывая основные источники знания, И. Кант выделяет восприимчивость к впечатлениям и спонтанность понятий, которые нельзя предпочесть друг другу, т.к. «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [10, с. 91].

И. Кант в своей гносеологии отказывается от услуг спекулятивной метафизики, «которая целиком возвышается над знанием из опыта» [10, с. 22], в которой разум является лишь своим собственным учеником. При этом И. Кант отказывает и от установки, согласно которой «всякие наши знания должны сообразоваться с предметами» [10, с. 23]. Собственное решение гносеологической проблемы И. Кант предлагает в духе Н. Коперника, изменив «систему координат». С точки зрения Канта «следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны» [10, с. 23]. И в этой установке Кант как бы предупреждает своих вольных интерпретаторов – да, давайте попробуем исходить из предположения, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием, при этом, однако, и априорное знание, пусть и представляет собой некоторое знание о предметах, полученное раньше, чем сами предметы нам даны, это тоже знание о предметах, а не наша, непривязанная к реальности выдумка-конструкция.

Утверждение И. Канта о том, что «предметы должны сообразовываться с нашим познанием», при желании вполне можно трактовать как подчинение вещественного мира миру

идей. Марксисты и с ними вместе современные конструктивисты так и поступают. Но активность субъекта познания в гносеологии Канта не предполагает умышленного искажения мира вещей – и «вещей в себе», и «явлений». Воля познающего не направлена на искажение мира вещей, воля познающего направлена на допущение, гипотезу. Воля не ведет к произволу, воля дает смелость на предположение. При этом в явлении объект предстает перед субъектом во всем своем многообразии, и лишь связь многообразного не подвластна чувственному созерцанию. И. Кант, преодолевая сенсуализм, отмечает: «Но *связь* (conjunctio) многообразного вообще никогда не может быть воспринята нами через чувства и, следовательно, не может также содержаться в чистой форме чувственного созерцания, ведь она есть акт спонтанности способности представления, а так как эту способность в отличие от чувственности надо называть рассудком, то всякая связь – сознаем ли мы ее или нет, будет ли она связью многообразного в созерцании или в различных понятиях и будет ли созерцание чувственным или нечувственным – есть действие рассудка, которое мы обозначаем общим названием *синтеза*, чтобы этим также отметить, что мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений *связь* есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [10, с. 127]. Но насколько этот акт спонтанности способности представления, акт самодеятельности субъекта, привносящий связность в объект, оторван от объекта и по своему личностному или партийному произволу искажает объект?

Связь, согласно И. Канту, «есть представление», представление о синтетическом единстве многообразного. И это представление делает возможным само понятие связи. Однако представление о единстве многообразного лишено произвола, оно «присоединяется к представлению о многообразном» [10, с. 127]. Наполняя содержанием известное изречение схоластов (quodlibet ens est unum, verum, bonum), согласно которому любая сущность едина, истинна, добра, И. Кант утверждает и свое отношение к представлению о синтетическом единстве многообразного. По утверждению И. Канта, единство, множественность и целокупность, во-первых, должны «рассматриваться с точки зрения содержания как принадлежащие к возможности самих вещей» [10, с. 116], во-вторых, «[в каждом познании объекта есть] *истина* в отношении следствий» [10, с. 117]. Поясняя эту мысль, И. Кант недвусмысленно утверждает: «Чем больше имеется истинных следствий из данного понятия, тем больше признаков его объективной реальности» [10, с. 117]. И, в-третьих, согласно И. Канту, «в каждом познании объекта есть *совершенство*, состоящее в том, что эта множественность в целом сводится обратно к единству понятия и полностью согласуется только с понятием; это можно назвать *качественной полнотой* (целокупностью)» [10, с. 117].

Очевидно, что И. Кант не собирается отказываться от «вещи в себе», ведь, с его точки зрения, отношение понятий единства, истинности и совершенства к объектам «остается совершенно в стороне». И. Кант допускает, что явление вещи нам отличается от вещи самой по себе. Однако конструктивизм И. Канта ограничен трансцендентальностью и не уходит в анархию релятивизма. Во-первых, И. Кант признает существование вещи в себе. Во-вторых, трансцендентальная эстетика, поставленная И. Кантом на службу гносеологии, представляя собой науку обо всех априорных (не «завязанных» на ощущениях) принципах чувственности, отбрасывает психологические (и «телесные») аргументы релятивистов. В-третьих, истинность, согласно И. Канту, «основывается на соответствии с объектом, в отношении которого, следовательно, суждения всякого рассудка должны быть согласны между собой» [10, с. 609]. И. Кант говорит и о конструировании, но о конструировании понятий, а не мира: «*Философское* познание есть *познание разумом посредством понятий*, а математическое знание есть познание посредством *конструирования* понятий. Но *конструировать* понятие – значит, показать а priori соответствующее ему созерцание» [10, с. 536]. И. Кант не допускает и не предполагает, что мир вещей должен и может конструироваться нашим мышлением через понятия. Речь идет совершенно об ином. Речь идет о познании, о возможности познания.

И в связи с этим И. Кант недвусмысленно высказывает свою точку зрения, преодолевая «тупик» Дж. Беркли и дистанцируясь от инсинуаций будущих конструктивистов: «При всяком подведении предмета под понятие представление о предмете должно быть *однородным* с понятием, т.е. понятие должно содержать в себе то, что представляется в подводимом под него предмете, так как именно такое значение имеет выражение *предмет подчинен понятию*» [10, с. 157]. Не предмет, не вещь «награждаются» субъектом по произволу теми или иными качествами, а понятие должно содержать в себе то, что представляется в подводимом под него предмете.

В результате И. Кант приходит к своей трактовке знания, которая почему-то игнорируется «радикальными» конструктивистами. Согласно И. Канту, «и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*» [10, с. 610]. Очевидно, что И. Кант в познании (и конструировании знания о связях многообразного) не может, как это делают «радикальные» конструктивисты, ограничиться субъективной достаточностью (*убеждением*) и ищет *достоверности*, т.е. объективной достаточности. И. Кант предупреждает: «Никогда не следует составлять себе *мнение*, если *не знаешь* по крайней мере чего-то такого, посредством чего проблематическое само по себе суждение ставится в связь с истинной, которая, хотя и не полная, тем не менее представляет собой нечто большее, чем произвольный вымысел. Кроме того, закон такой связи должен быть достоверным» [10, с. 610]. Итак, согласно И. Канту, истина может быть и не полной, но она и не произвольный вымысел. А закон связи должен быть достоверным, т.е. соответствовать критерию объективной достаточности.

Складывается впечатление, что современные конструктивисты (всех течений и школ) лишь умышленно, вводя читателей в заблуждение, декларируют начало своего философского движения от И. Канта. Это, конечно же, из арсенала уловок – одновременно и ссылка на авторитет, и аргумент к образованности. Но, как выше было показано, активность познающего субъекта, его познавательная деятельность в гносеологии И. Канта не имеет ничего общего с исходными (субъективистскими) установками конструктивистов. Философские корни конструктивистов расположены ниже «уровня» Канта. И именно И. Кант вывел философию из того гносеологического тупика, в который она зашла в работах эмпириков-сенсуалистов, субъективных идеалистов и рационалистов – настоящих предшественников современного (постмодернового) конструктивизма.

Библиографический список

1. Харре, Р. Конструкционизм и основания знания / Р. Харре // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 94–103.
2. Лекторский, В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 11–21.
3. Князева, Е.Н. Истина как результат коэволюции / Е.Н. Князева // Многомерность истины. – М. : ИФРАН, 2008. – С. 123–142.
4. Платон. Избранное / Платон. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2007. – 491 с.
5. Бескова, И.А. Природа и образы телесности / И.А. Бескова, Е.Н. Князева, Д.А. Бескова. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 456 с.
6. Касавин, И.Т. Конструктивизм как идея и направление / И.Т. Касавин // Конструктивизм в теории познания. – М. : ИФРАН, 2008. – С. 63–72.
7. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К.Р. Поппер. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
8. Беркли, Дж. Сочинения / Дж. Беркли. – М. : Мысль, 1978. – 556 с.
9. Чешев, В.В. Проблема познания в философии / В.В. Чешев. – Томск : Изд-во Том. архит.-строит. ун-та, 2003. – 334 с.
10. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Эксмо, 2011. – 736 с.
11. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / Д. Юм. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.

I. KANT AGAINST CONSTRUCTIVISTS

Modern followers of epistemological constructivism argue that Kant is the founder of the philosophical movement. Ontological ideas J. Berkeley and methodology of sophistry and dialectics are the basis for this assertion. The authors compare the ideas of the subject in which Kant expressed a subjectivist views of modern constructivists. The result of the study shows that the activity of the knowing subject, his cognitive activity in Kant's epistemology has nothing to do with the original (subjectivist) settings Constructivists. Modern philosophy of constructivism as psychology and physical approach has nothing to do with the epistemological ideas of Immanuel Kant.

Key words: constructivism in epistemology, Kant, Berkeley, truth.

References

1. Harre R. Konstrukcionizm i osnovanija znanija [Constructionism and knowledge base]. *Voprosy filosofii*, 2006, no.11, pp. 94-103.
2. Lektorskiy V.A. Kant, radikal'nyj konstruktivizm i konstruktivnyj realizm v jepistemologii [Kant, radical constructivism and constructive realism in epistemology]. *Voprosy filosofii*, 2005, no.8, pp. 11-21.
3. Knjazeva E.N. Istina kak rezul'tat kojevoljucii [Truth as a result of co-evolution]. *Mnogomernost' istiny*, Moscow, IFRAN, 2008, pp. 123-142.
4. Platon *Izbrannoe* [Favorites], Moscow, AST, Har'kov, Folio, 2007, 491 p.
5. Beskova I.A., Knjazeva E.N., Beskova D.A. *Priroda i obrazy telesnosti* [Nature and images of physicality]. Moscow, Progress-Tradicija, 2011, 456 p.
6. Kasavin I.T. Konstruktivizm kak ideja i napravlenie [Constructivism as an idea and direction]. *Konstruktivizm v teorii poznanija*. Moscow, IFRAN, 2008, pp. 63-72.
7. Popper K.R. *Otkrytoe obshhestvo i ego vragi*. Vol. 2. Vremja lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly [The Open Society and Its Enemies. Vol. 2. Time of false prophets: Hegel, Marx, and other oracles]. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyj fond "Kul'turnaja iniciativa", 1992, 528 p.
8. Berkli Dzh. *Sochinenija* [Works]. Moscow, Mysl', 1978, 556 p.
9. Cheshev V.V. *Problema poznanija v filosofii* [The problem of knowledge in philosophy]. Tomsk, 2003, 334 p.
10. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Jeksmo, 2011, 736 p.
11. Jum D. *Traktat o chelovecheskoj prirode. Kniga pervaja. O poznanii* [Treatise of Human Nature. The first book. About cognition]. Moscow, 2009, 400 p.

© Жилин В.И., Ефимова С.В., 2014

Авторы статьи:

Владимир Ильич Жилин, доктор философских наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Омский институт (филиал), e-mail: zhilinv@yandex.ru:

Светлана Владимировна Ефимова, кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова, Омский институт (филиал), e-mail: efimova-sv@yandex.ru.

Рецензенты:

С.Ф. Денисов, доктор философских наук, профессор, Омский государственный педагогический университет;

Л.М. Дмитриева, доктор философских наук, профессор, Омский государственный технический университет.